

Формы проявления исторических закономерностей

© Б.Н. Земцов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрена проблема сфер проявления исторических закономерностей. Автор полагает, что они существуют на уровне регионов и исторических периодов, а проявляются в политических, экономических и социальных институтах и национальной ментальности.

Ключевые слова: исторические закономерности, теория истории, методология истории, историософия, гносеология

Наука включает в себя деятельность по сбору и систематизации объективных знаний о мире (природе) и обществе. В естественных науках в итоге такой деятельности появляются законы, а в общественных — устанавливаются исторические закономерности, природа которых чрезвычайно сложна, и потому существуют разные подходы к решению этой проблемы.

Сторонники одного подхода полагают, что единого механизма развития человечества нет, что все события и явления уникальны и неповторимы. Любые попытки выявить всеобщее, пишет, например, Т.В. Панфилова, «настолько оторваны от исторически конкретной действительности, что в них не остается ничего конкретно исторического» [1, с. 8]. Следовательно, объектом истории являются единичные события и явления. По мнению О.В. Герасимова, «единичность событий, индивидуальность мотиваций человеческих поступков не позволяют сформулировать прямые закономерности исторического процесса» [2, с. 31].

Стремление найти исторические закономерности на уровне человеческих поступков (действий исторических героев) тем более обречено на провал, ведь каждый из них индивидуален, так как совершается под влиянием врожденных и приобретенных свойств нервной системы, воспитания, образования и конкретной социально-бытовой ситуации, а повторение данных условий невозможно [3, с. 35, 36].

Примером ложного наделения индивидуального явления чертами исторической закономерности, а значит, изначальной прошлой предопределенности и неизбежности ее повторения в будущем, являлась советская история 1930-х — начала 1950-х годов в трактовке советологов Запада. На самом же деле тот политический режим был резуль-

татом сложившихся в первой четверти XX в. сложнейших исторических процессов:

- отсутствия в дореволюционной самодержавной России развитого гражданского общества и его влияния на власть;
- отказа большевиков в 1918 г. от создания правового государства при одновременной попытке воплотить в жизнь идею прямой демократии;
- трагического разлада между социалистическими партиями в годы гражданской войны;
- разлада в партийно-государственном руководстве в середине 1920-х годов;
- сталинизма вследствие регенерации самодержавных национальных политических традиций;
- наличия множества социально-бытовых проблем в странах Запада в начале XX в.

Не будь их, социалистические партии до революции 1917 г. и партийно-государственное руководство в 1920-е гг. не пытались бы создать иную (как им казалось, более совершенную) социально-политическую систему [4, с. 100].

Совокупность всех этих предпосылок делала советский политический режим 30-х годов XX в. неповторимым историческим явлением.

Другой подход состоит в утверждении, что исторические закономерности существуют, но их описывает целая серия законов.

«Углубленное познание исторической реальности, — писала О.М. Медушевская, — все же требует поливариантного подхода к ее описанию, т. е. одновременного существования нескольких, возможно и неравнозначных по глубине проникновения в историческую реальность, теорий» [5]. Такого же мнения придерживается и Н.В. Старостенков: «Опыт, накопленный исторической наукой, позволят говорить о несостоятельности претензий какой-либо одной научной теории на только ей присущую, единственно верную интерпретацию прошлого» [6, с. 57].

Ни одна из теорий не смогла стать универсальной, объяснить неравномерность и специфику развития отдельных регионов. Внутренняя логика всех теорий оказалась разрушена слишком большим числом исключений.

Над созданием алгоритма истории человечества по-прежнему трудятся множество ученых. В течение второй половины XX в. они разработали несколько десятков теорий: новая интернациональная история, транснациональная история, новая мировая история, новая компаративная история, новая межнациональная история. Пик интереса к их разработке пришелся на вторую половину XX в. Однако

к выявлению общеисторических закономерностей эти попытки отношения не имели. Во-первых, во всех работах авторы рассматривали что-то одно: социологические [7], технологические [8], экономические [9], экологические [10] процессы, влияние колониальной системы на становление Запада [11] и др. Во-вторых, историки-глобалисты изучали не столько всеобщую историю, сколько историю современного Запада. Поэтому, хотя по-прежнему продолжает выходить много теоретических журналов (*History and Theory, Historical Method, History Today, Journal of Modern History, Rethinking History, American Historical Review, History Workshop Journal*), от поиска универсального алгоритма мировой истории их авторы практически отказались.

Существовавшие ранее публикации по всемирной истории, по сути, представляли собой сумму работ по истории всех стран мира. При этом рассматривались закономерности развития каждой отдельной страны. В принципе, такой подход вполне допустим и сейчас. Страны и народы, оказавшиеся в орбите друг друга, безусловно, что-то заимствуют, однако их институты развиваются по собственным траекториям. Даже в условиях глобализации эти институты испытывают доминирующее влияние своих внутренних факторов.

На рубеже XX–XXI вв., в условиях глобализации, возникло новое направление всеобщей истории — история единого мира. «Большинство специалистов считают главной задачей мировой истории изучение взаимодействий между людьми, участвующими в крупномасштабных исторических процессах» [12, с. 246]. Однако и в этом случае изучается не механизм развития человечества в целом, а циркуляция товаров, капиталов, идей, людей, микробов и способы этнической и религиозной дифференциации, «встраивание локальных историй в глобальный контекст» [12, с. 246]. Фактически, все подобные исследования являются историей не глобалистики, а европеизации мира.

Любой ученый, занимающийся естественными науками, всегда обозначает границы применения своих методик. Роскошью абсолютного знания обладают лишь математики, хотя наряду с теоремами в этой науке существует огромное число аксиом, т. е. допущений. Это обусловило третий подход к выявлению исторических закономерностей: они складываются в рамках отдельных регионов (стран) и периодов этих регионов (стран). Именно такую позицию разделяют в Институте всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), состоящем из отделов и центров, в каждом из которых изучают конкретные проблемы (Отдел исторической антропологии и истории повседневности, Отдел социокультурных исследований, Центр истории международных отношений, Отдел специальных исторических дисциплин, Центр по изучению гражданского общества, Центр по изу-

чению международной социал-демократии, Центр истории Польши и российско-польских отношений), регионы (Отдел региональных исследований, Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, Отдел истории Византии и Восточной Европы, Центр «Восток-Запад», Центр германских исторических исследований) и исторические периоды (Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций, Отдел истории Европы XVIII–XIX вв., Отдел истории XX в.). Есть в ИВИ РАН и Отдел теоретических исследований, но изучение общих законов истории, методологических и теоретических проблем в исторических науках, современных моделей и концепций исторического процесса ведется там наряду с исследованием истории континентов, регионов и страны, власти, общества и личности, России в мировой истории, интеграции исторической науки и образования и др.

Закономерности регионов. В науке нет единого взгляда на понятие «регион». Для одних ученых это территория, для других — хозяйственно-экономическая общность, для третьих — культурно-цивилизационное пространство, для четвертых — общность социальной структуры, административно-территориальное оформление [13, с. 267]. Складывая разные подходы, можно дать такое определение: регион представляет собой группу стран, имеющих приблизительно одинаковые институты и движущихся примерно в одном направлении (Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Карибский бассейн и т. д.).

Соотношение исследуемых регионов или стран зависит от исторических обстоятельств. Иногда государственные границы более подвижны, как, например, в средневековой Европе, где в одном регионе в разное время находились по нескольку государств, а в некоторых случаях в одном государстве имелись разные регионы, порождавшие разные социальные институты и серьезные сепаратистские проблемы для власти (например, в Китае или России).

Механизм развития каждого региона специфичен, поэтому его можно объяснить с помощью теории, построенной на анализе собственной, локальной истории регионов. Классической иллюстрацией регионального подхода к всемирной истории стал труд А.Д. Тойнби: в его понимании она представляла собой сумму 21 цивилизации, развивающейся по своим специфическим канонам.

Методологическая опасность игнорирования индивидуальности каждого региона способна привести к искажению предмета исследования и ошибочности выводов, которые закладываются еще на начальной стадии изучения. В западной советологии и современной русистике это проявляется в концентрации внимания на сталинизме вообще и репрессиях в частности.

Между тем любое историческое исследование по выбору предмета, постановке цели, своему понятийному аппарату и теоретическим основам зачастую оказывалось продуктом той социально-бытовой среды, в которой живет историк [14, с. 19], что может порождать субъективизм. До недавних пор примером такой изначальной предвзятости многих историков Европы был европоцентризм. Он представлял собой восприятие ценностей западной цивилизации в качестве общемирового эталона, т. е. в отношении ко всем неевропейским цивилизациям изначально закладывалось упрощение вместо беспристрастных попыток понять незнакомую культуру.

Очевидно, что ликвидация на рубеже 20–30-х годов XX в. партийно-государственным руководством СССР всех видов собственности, кроме государственной, повлекло за собой сокращение экономических свобод и гражданских прав. Означает ли это, что советское общество по сравнению с дореволюционным сделало шаг назад? Разумеется, нет. Если в 1913 г. Россия по объему промышленного производства занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом производстве составляла 3,14 %, то в 1937 г. СССР по общему объему промышленного производства занял второе место в мире (после США), а его доля выросла до 13,7 %. Экономика национальных регионов сделала гигантский шаг вперед: производственный потенциал Киргизии увеличился в 96 раз, Таджикистана — в 116 раз. Таким образом, итоги развития Советского Союза в 30-е годы XX в. должны оцениваться исходя из проблем, которые тогда стояли перед страной, а не из политических и духовных ценностей другого региона или времени. Ради вывода, что СССР в те десятилетия не был похож на современную Западную Европу, исследование не стоило и начинать.

Отказ от европоцентризма в западной науке наметился еще в 80–90-е годы XX в. Историков подтолкнула к этому мультикультурная философия, призывавшая в равной степени толерантно и с уважением относиться к историко-культурному опыту народов других регионов мира [15].

Как остроумно заметил немецкий историк Л. Кухенбух, «евроцентризм имеет две крайности — болезненный евроз или восторженная евротика» [16]. В августе 2015 г. в Китае на открытии XXII Международного конгресса исторических наук (МКИН) генеральный секретарь МКИН профессор Р. Франк отметил, что на конгрессе будут представлены достижения историков по части преодоления европоцентризма [17]. Таким образом, из академической среды это методологическое заблуждение уходит, но остаются некоторые методические сложности.

(Казалось бы, если каждый регион специфичен и перенос закономерности одной системы на другую исключен, то рухнет методическая основа работы историков — метод сравнения. Однако речь идет не об исключении этого метода из арсенала историка, а об осторожности при его применении, тщательном отборе проблемы, для которой он допустим).

Закономерности периодов. Проблема изучения исторических закономерностей не ограничивается своеобразием регионов. Специфичны и разные периоды истории одной и той же системы. Например, в истории России было несколько периодов: Древняя (или Киевская) Русь, Удельная Русь, Московская Русь, Российская Империя, Советская Россия и современная Россия. И каждому из них соответствовали свой механизм развития, закономерности, органичные причинно-следственные связи.

Исторические закономерности проявляются обычно на уровне политических, экономических, социальных институтов и духовных ценностей.

Поскольку до XX в. периоды приходили на смену друг другу эволюционно, то изначально изменялись лишь ключевые институты, а менее значимые сохранялись. Например, в Российской Империи сохранялся абсолютизм, возникший еще в Московской Руси. А в результате революций 1917 и 1991 гг. социальные институты менялись радикально. Например, современная Россия — это совершенно новая социально-политическая система. Ее основы были заложены еще в 1988–1990 гг. В течение 1990-х годов в России была проведена целая серия радикальных реформ:

- выборы в законодательные органы власти стали проходить на альтернативной основе;
- была воплощена в жизнь теория разделения ветвей власти;
- произошла децентрализация власти;
- оформилась система свободных средств массовой информации;
- граждане получили возможность беспрепятственного выезда за границу;
- возник целый ряд партий и общественных организаций;
- страна вступила в демократические международные организации, что означало добровольное принятие действовавших там принципов и норм;
- были заложены основы рыночной экономики;
- принципиальные изменения произошли во внешней политике: нормативно-правовую основу составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации.

Однако необратимость нового направления определяют не только реформы, но и выросшее за эти 25 лет молодое поколение и поколение 40–50-летних, пришедшее во власть.

Здесь, правда, возникает проблема: социально-политические институты меняются в ходе революций, а сколь долго сохраняются привычки людей, традиции народа, политическая ментальность? Вполне возможно, что ментальность как коллективно-личностное образование, тем более — культура этноса, представляет собой устойчивые духовные ценности, глубинные установки. Но политическая ментальность зависит не столько от национальных традиций, сколько от уровня развития политических институтов и средств массовой информации. Исторический опыт XX в. позволяет утверждать, что политическую ментальность можно изменить за одно-два поколения (что видно на примере Северной и Южной Кореи, стран Балтии или Украины).

При сравнении разных периодов одной и той же страны (как и одного региона с другим) историка поджидает опасность непонимания чужой культуры. П. Берк, например, пишет, что при изучении предшествующего периода даже собственной страны историк должен сохранять «культурную дистанцию» и смотреть на прошедшие события как на события «чужой страны» [18, с. 25, 26]. Тем не менее субъективизм в оценках, невольная, изначальная предвзятость среди историков отнюдь не редкость.

Например, хрестоматийным является прозвище Ивана IV — Грозный. В соответствии со своими деяниями царь должен восприниматься исключительно как антигерой. Эта оценка и закрепилась в отечественной историографии XIX в. — в работах Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, М.П. Погодина, С.С. Хомякова, К.С. Аксакова, Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского. Но как пишет современный историк С.В. Переверцев, Иван IV воспринимал себя как инструмент Господа, обращающего людей к истине, свету и спасающего тем самым их души, он пытался возродить идею древнего аскетизма в том виде, как ее понимали самые первые русские монахи — в виде истязания плоти [19]. «Иван Грозный внутренне уверился в том, что он имеет полное и несомненное право относиться к собственному государству и к собственному народу, как к телу, которое необходимо истязать, подвергать всяческим мучениям, ибо только тогда откроются пути к вечному блаженству» [19].

Оценивая прошедшие эпохи и зная их итоги, историк зачастую выступает в качестве судьбы (хотя он не может воспринимать сердцем, чувствовать проблемы, которых нет в его собственном времени, но которые являлись побудительным мотивом для ушедших поколений). В результате возникает вероятность совершения научной ошибки.

Итак, человеческое общество представляет собой максимально сложно организованный вид материи, а большинство исторических событий являются результатом действия множества социальных процессов. Поэтому даже крупнейшие ученые отказывались от попыток выявления общемировых социальных алгоритмов. Ф. Бродель, например, в отношении промышленной революции в Англии писал, что искать ее внутренние причины не имеет смысла: «Какой бы аспект ни превозносился исследователем в качестве главного объяснения, он не в состоянии объяснить, почему данное явление произошло именно в Англии и почему давало сбои в других обществах» [20, с. 97]. Английскому промышленному перевороту содействовали события в мире: и Великая французская революция, и наполеоновские войны, и открытие новых рынков не только в Индии, но и в Америке, Турции, и еще множество процессов, совершаемых другими силами и по другому поводу [20, с. 97].

Исторические закономерности не носят абсолютного характера, подобно естественным законам, и здесь крупнейший французский историк XX в. Ф. Бродель, безусловно, прав. Однако объяснить, почему промышленный переворот произошел именно в Англии, а не в Нидерландах (первой буржуазной стране), или почему Германия в конце XIX в. практически догнала Англию в экономической и технологической областях, вполне возможно. В рамках отдельных страны и регионов их эволюция довольно хорошо просматривается в конкретный исторический период.

В заключение следует заметить, что поиск исторических закономерностей необходим, поскольку позволяет понять логику развития прошлого и ближайшего будущего.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Панфилова Т.В. Проблема исторической закономерности. *Философия и общество*, 2002, № 4, с. 5–19.
- [2] Герасимов О.В. Научность исторического знания и исторических теорий: эпистемологический и методологический аспекты. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 2014, № 1, с. 29–35.
- [3] Земцов Б.Н., Суздалева Т.Р. Гносеологические пределы исторических исследований. *Materials digest of the XLIII International Research and Practice Conference and the 1 stage of the Championship in historical and philosophical sciences. (London, February 18 — February 22, 2013)*. London, 2013, p. 35, 36.
- [4] Земцов Б.Н. Становление советского государственного механизма. *Изв. Томского политехнического университета*, 2014, т. 324, № 6, с. 96–102.
- [5] Медушевская О.М. Становление и развитие источниковедения. URL: <http://www.avorhist.ru/publish/istved1-2-1.html>
- [6] Старостенков Н.В. Проблемы теории и методологии исторической науки. *Уч. записки Российского государственного социального университета. Социальная философия, история и политология*, 2010, № 5, с. 54–60.

- [7] Bendix R. *Kings or people: Power and the mandate to rule*. Berkeley, University of California Press, 1980, 692 p.
- [8] Pacey A. *Technology in World Civilization: A Thousand-Year History*. Cambridge, The MIT press, 2001, 238 p.
- [9] Блэк С.Э. *Динамика модернизации: очерки сравнительной истории*. Москва, Наука, 1996, 128 с.
- [10] Crosby A.W. *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492*. Westport, Greenwood Press, 1972, 268 p.
- [11] Wallerstein I. *The Modern World-System*. Vol. I–III. Academic Press, 1974–1989.
- [12] Репина Л.П. Макроисторическая перспектива сегодня: теоретические и терминологические поиски. *Преподаватель XX век*, 2014, № 2, с. 243–258.
- [13] Репина Л.П. Теоретические основания и перспективы региональной истории. *Преподаватель XX век*, 2013, № 3, с. 266–273.
- [14] Смоленский Н.И. *Теория и методология*. Москва, Академия, 2008, 272 с.
- [15] Кузнецов Ю.В. Фактор национальной идентичности в полемике о преподавании всемирной истории в американской школе (1980–1990-е гг.). В кн.: *Аспекты гуманитарного знания*. Орел, 2015, с. 50–66.
- [16] Леонхард Й. Сравнение, трансфер и взаимовлияние, или как сегодня пишут историю Европы нового времени? *Вестник Мининского университета*, 2016, № 1–2. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/8c0/leonchard-.pdf> (дата обращения 17 марта 2016).
- [17] Международный конгресс исторических наук избавляется от европоцентризма. *Научная Россия*. URL: <http://scientificrussia.ru/articles/mezhdunarodnyj-kongress-istoricheskikh-nauk-v-kitae> (дата обращения 30 мая 2016).
- [18] Burke P. Western Historical Thinking in a Global Perspective — 10 Theses. *Western Intellectual Debates*, New York, Oxford, 2002, p. 25, 26.
- [19] Перевезенцев С.В. Духовно-политическая концепция царя Ивана IV Грозного. *Образовательный портал СЛОВО*. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/40312.php> (дата обращения 30 мая 2016).
- [20] Цыганков В.В. Миросистемный анализ: «твердое ядро» и «защитный пояс». *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 2012, № 4, с. 97.

Статья поступила в редакцию 30.11.2016

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Земцов Б.Н. Формы проявления исторических закономерностей. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 2. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-02-414>

Земцов Борис Николаевич — д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: zemtsovbn@mail.ru

Manifestations of historical regularities

© B.N. Zemtsov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The study tested the areas of manifestations of historical regularities. We believe that the latter exist at levels of regions and historical periods but manifest themselves in political, economic and social institutions and national mentality.

Keywords: *historical regularities, theory of history, methodology of history, historical philosophy, epistemology*

REFERENCES

- [1] Panfilova T.V. *Filosofiya i obschestvo — Philosophy and Society*, 2002, no. 4, pp. 5–19.
- [2] Gerasimov O.V. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva — Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatischev*, 2014, no. 1, pp. 29–35.
- [3] Zemtsov B.N., Suzdaleva T.R. Gnoseologicheskie predely istoricheskikh issledovaniy [Epistemological limits of historical research]. *Materials digest of the XLIII International Research and Practice Conference and the I stage of the Championship in historical and philosophical sciences*, London, 18–22 February 2013, pp. 35, 36.
- [4] Zemtsov B.N. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta — Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2014, vol. 324, no. 6, pp. 96–102.
- [5] Medushevskaya O.M. *Stanovlenie i razvitie istochnikovedeniya* [Formation and development of source study]. Available at: <http://www.avorhist.ru/publish/istved1-2-1.html>
- [6] Starostenkov N.V. *Uchenye zapiski rossiyanskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta. Sotsialnaya filosofiya, istoriya i politologiya — Scientific notes of RSSU. Social philosophy, history and political science*, 2010, no. 5, pp. 54–60.
- [7] Bendix R. *Kings or people: Power and the mandate to rule*. Berkeley, University of California Press Publ., 1980, 692 p.
- [8] Pacey A. *Technology in World Civilization: A Thousand-Year History*. Cambridge, MIT Press Publ., 2001, 238 p.
- [9] Black S. *Dinamika modernizatsii: Ocherki sravnitel'noy istorii* [The dynamics of modernization: essays on comparative history]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 128 p.
- [10] Crosby A.W. *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492*. Westport, Greenwood Press Publ., 1972, 268 p.
- [11] Wallerstein I. *The Modern World-System*. Vol. 1–3. Academic Press Publ., 1974–1989.
- [12] Repina L.P. *Prepodavatel XXI vek — Prepodavatel XXI vek*, 2014, no. 2, pp. 243–258.
- [13] Repina L.P. *Prepodavatel XXI vek — Prepodavatel XXI vek*, 2013, no. 3, pp. 266–273.
- [14] Smolenskiy N.I. *Teoriya i metodologiya* [Theory and methodology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 272 p.
- [15] Kuznetsov Yu.V. Faktor natsionalnoy identichnosti v polemike o prepodavanii vsemirnoy istorii v amerikanskoj shkole (1980–1990) [The factor of

national identity in the debate on teaching of world history in American schools (1980-1990)]. In: *Aspekty gumanitarnogo znaniya* [Aspects of the humanities]. Orel, 2015, pp. 50–66.

- [16] Leonhard J. *Vestnik Mininskogo universiteta — Vestnik of Minin University*, 2016, no. 1–2. Available at: <http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/8c0/leonhard-.pdf> (accessed 17 March, 2016).
- [17] Mezhdunarodnyy kongress istoricheskikh nauk izbavlyatsya ot evropotsentrizma [International congress of historical sciences delivers from eurocentrism]. *Nauchnaya Rossiya* [Scientific Russia]. Available at: <http://scientificrussia.ru/articles/mezhdunarodnyj-kongress-istoricheskikh-nauk-v-kitae> (accessed 30 May, 2016).
- [18] Burke P. *Western Historical Thinking in a Global Perspective — 10 Theses*. Western Intellectual Debates, New York, Oxford, 2002, pp. 25, 26.
- [19] Perevezentsev S.V. Dukhovno-politicheskaya kontseptsiya tsarya Ivana IV Groznogo. *Obrazovatelnyy portal “Slovo”* [Spiritual and political concept of the king Ivan IV the Terrible. Educational Portal “Slovo”]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/history/40312.php> (accessed 30 May, 2016).
- [20] Tsygankov V.V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya, Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2012, no. 4, p. 97.

Zemtsov B.N., Dr. Sc. (Hist.), Professor, the Head of History Department, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: zemtsovbn@mail.ru